

была отслужена панихида, на которой, действительно, было многолюдно, но это произошло от того, что панихиды почти никто не знал. Зато во всех таганрогских храмах были такие отслужены панихиды и, кроме того, из повешения артистического общества.

Этим, разумеется, еще далеко не все исчерпано. Город, несомненно, найдет средства и способы увековечить память великого писателя в Таганроге, но для этого нужно время. Выход таких дел скоропалательно не совершаются.

Во всяком случае, можно сказать с уверенностью, что наше городское управление на этот раз не переменило и примет все зависящие меры, чтобы почтить память Антона Павловича достойным образом и связать его славу, бессмертную и славную, с нашим городом, просвещательным начинанием.

Хорошо бы, между прочим, учредить в местной мужской гимназии стипендию имени А. П. Чехова. Для этого потребуется немного, всего только 1,200 рублей, и собрать их среди многочисленных почитателей даровитого земляка вовсе не трудно.

Пока же смерть Антона Павловича еще до сих пор вызывает у таганрогцев самую живую скорбь, о ней говорят восторженно и без конца, общаются масса воспоминаний из жизни великого писателя о его гимназических годах, студенчествах...

Оказывается, что многие таганрогцы помнят А. П. еще гимназистом и студентом, помнят его смышленый, сипонный к юмору характер и отбывают вместе с тем его скрытность, замкнутость, проявлявшуюся еще в юношеских годах.

Надлежит быть в гимназии и мнѣ, между прочим, рассказывать, что еще будучи гимназистом А. П. отличался большой склонностью к юмористике.

— Мы все увлекались, откуда он доставлял самые смышленые французские рассказы! Вывало раздобудеть такой рассказик, перевести на русский язык и читать всему классу. Слышишь вдруг из класса, товарищский хохот. Показываешь шутку на всю гимназию. Что такое? Оказывается, это уже Антоша рассказы потешает. Ну, разумеется, тетрадочку отбирать с тем, чтобы наказать провинника. А в учительской через несколько минут повторяется такой же хохот. Послы этого, конечно, уже наказывать Антошу никто и не помышлял. Через неделю дается такая же история. Но вообще, это было очень симпатичным мальчишкой, хорошим, честным, прямым, хотя особые способности не проявлял. Никому и в голову тогда не приходило, что Антоша превратится во всемирно известную и даже европейскую значительность... Издал его «Митин», остроумными замечаниями и шутками много снискал, но особого значения мнѣ не придавали... Скорее можно было ожидать блестящего будущего от его старшего брата, Александра, который и способности большие проявлял и гимназию окончил с золотой медалью. Оказалось не то. Что обнаружилось в мальчишке только востановили и вопиющеобразная блестящая, расцвела потому в исключительное, блестящее дарование...

Товарищи Антона Павловича, такие воспоминания гимназических годов, заявляют, что покойный писатель тогда не давал никаких поводов предполагать в нем стоявшего выдающийся талант.

— Он был самый заурядный юноша. Странным казалось только одно. Наряду с смышленостью, юмором, в нем ужасная малая толику, замкнутость. Точно перлами были два совершенно разных человека. Один веселчак, шутник, остролов, — другой хмурый, замкнутый, буднично, сдержанный. Учился он посредственно. И особенно, как то болельщики не выносили греческого языка. Можно сказать, он просто его ненавидел, пытался какое то паническое отращивание. Когда мы кончили гимназию, и каждый избирал себе факультет, один только А. П. держал в строгом секретѣ свой выбор. Мы все приставали к нему: «Куда же ты думаешь поступить, Антоша?» — Он молчал и затѣял пруть выплывать: «Буду по-прежнему». — «Ничего, серьезно, отчего ты скрываешься?» — «Положим буду», — упорно твердил Антоша, и уже больше от него нельзя было добиться никакого ответа. Мы были поражены, когда узнали, что он поступил на медицинский факультет. Об этом и речи не было в гимназии. А затѣя, когда уже будучи студентом, начал писать юмористические рассказы, стало очевидным, что наш Антоша талантливый, независимый, и если вынести все мучительства торного пути, из него выйдет выдающийся писатель. Ожидания наши оправдались. Антоша Павлович стойко вынес все тернии литературной карьеры, пережил искусство и концы своего слова, но наша страшная печаль! — Погиб так рано, погиб в расцвет таланта, только в последнее время оцененный по заслугам и обласканный всеобщим вниманием, любовью, почетом...

Тѣ, кто знали Антона Павловича в первые годы его литературной деятельности, по окончании университета, и потом, — говорят, что и тогда в нем было два человека. В одну сторону это был самый интересный, спонтанный собеседник, веселчак, балагур, и любил, чтобы все вокруг него были веселы и довольны. Сдержанный, сдержанный людей он не выносил, но как только являлись посторонние лица, А. П. и сам превращался в скупного, угрюмого, замкнутого. Он нес как то съезжался и потягивал, поначалу. В Мелитово дана чаша с вином, от кого именно. Там, была пропрана бархатная подушка и на ней масса шкотов. Когда песенку закончил, А. П. воспрянул, повел креслами и просил подушку убраться подальше. В другой раз он получил медальон с эмалью на цепочку его сочинений. Об этом упоминается, между прочим, в «Чайке».

Надлежит мнѣ сообщить, что группа любителей подает в думу заявление об открытии подписки на панихиды А. П. Чехову и воспроизводит одновременно первый номер издания...

Из всего указанного видно, как Таганрог относится к памяти своего даровитого гражданина.

Не знаю, будет ли сооружен панихиды, но ни минуты не сомневаюсь, что в Таганроге память о Чехове будет вечно, и имя его почтять достойным образом.

Это надо сделать не для Чехова, его уже нет, ему все равно. Это необходимо для нас, для этого общества, для будущего молодого людей...

Шиллер из Таганрога.

АРАБЕСКИ.

В местных газетах пишут о том, что смерть А. П. Чехова произошла в Таганроге почти незамеченной, что и на панихиды было очень мало пошедших, и в думѣ еще не сделано никакого постановления и, вообще Таганрог плохо почтит память своего великого гражданина, ставшего кумиром всей России.

«На самом же деле это совсем не так».

Таганрог вовсе не остался в стороне от панихиды, незамеченной утраты, безучастным. На гроб безразлично угрюмые писатели были возложены в честь таганрогского городского управления, таганрогского артистического общества, таганрогской гимназии. На другой же день после смерти писателя, в городской библиотеке

Комментарий

Тараховский Абрам Борисович (1866 – ?) — журналист, с 1896 года заведовал таганрогским отделением газеты «Приазовский край». Печатался под псевдонимом «Шиллер из Таганрога».

В другой раз он получил медальон со ссылкой на страницу его сочинений. — писательница Л. А. Авилова вспоминала о том, как в 1895 году анонимно послала Чехову брелок с гравировкой «(Повести и рассказы. Соч. Ан. Чехова. Стран. 267, стр. 6 и 7)». Ссылка указывала на строки из рассказа «Соседи»: «Если тебе когда-нибудь понадобится моя жизнь, то приди и возьми ее» (8, 60). Эти слова цитируются в «Чайке» (13, 40).